Развалины и пыль наполняли древние руины вместе с безголовыми и расчлененными статуями Будды, колоколами, утопающими в грязи. Остатки храмов и святилищ выглядели пугающе тихими.

Святилище рядом с главным залом было освещено, внутри него находились три прекрасные девушки.

У одной из них волосы и кожа были белыми как снег, как у феи из ледяного царства. Она тихо сказала: "Это из Храма Великого Дракона, Восемнадцатирунные четки, переданные из древней эпохи. Это сокровище духа третьего ранга".

Естественно, это была Бай Жусюэ.

Восемнадцать бусин парили в небе, как восемнадцать ярких звезд. Они содержали огромное количество энергии духа, которая успокаивала тех, кто находился рядом.

"Ничего себе? Сокровище третьего ранга? Даже у нашей секты их всего несколько". Круглые янтарные глаза Лю Жуйсинь загорелись.

Она сбежала из своей секты, чтобы найти сокровища, и, естественно, хотела заполучить именно это. Сестры в секте будут очень завидовать.

"Монах, скажи мне, как использовать эти четки, или я выколю тебе глаза". Она начала допрашивать связанного монаха в углу.

Монах был сильно ранен, к тому же его запечатало искусство Фэйюнь "Малое Изменение". Эти три девушки даже связали его цепями из черного метеоритного металла, принадлежащего секте Руйсинь. Повсюду на нем были руны.

Если монах двигался хоть на дюйм, руны активировались и били его болтами.

Он сидел в медитативной позе и все еще обладал чудовищной аурой. Одного его взгляда было достаточно, чтобы Руиксин отпрянула назад и побледнела, словно ее только что разрезали на две части.

"Все еще такой сильный после всего этого? Вы, ребята, видите его культивацию насквозь?" спросила она, отступая назад.

Бай Раксюэ и Му Сироу покачали головой. Они только видели, что он был страшен и мог бы убить их всех одним пальцем, если бы не его раны, нанесенные неизвестным существом в большом зале.

Тем временем Фэйюнь изредка поглядывал на большой зал, рисуя на земле руны.

Эти руны были довольно странными и исчезали в земле. Однако стоило ему только ступить на их территорию, и они снова становились сверкающими.

Он отвлекся на трех девушек и присоединился к ним: "Знаете ли вы, чего больше всего боятся монахи?"

Три девушки остановились и уставились на него. Даже монах нахмурился. Было ли в мире что-то, что могло легко подавить буддийских культиваторов?

"Ты имеешь в виду таракана?" Руйсинь пришла в голову странная мысль.

"Нет, я слышал, что буддизм правил этой землей в течение двадцати тысяч лет, но был уничтожен таинственным существом. Это то, о чем ты говоришь?" Му Сироу помрачнела.

Обе девушки сначала боялись Фэйюня, но после того, как узнали его личность, продолжали расспрашивать его о его собственных историях.

Такова была природа женщин. Культивация не изменила любовь к сплетням в их сердце.

Фэйюнь покачал головой: "Они больше всего боятся женщин, а вы трое не можете справиться с одним монахом, как досадно. Прошел целый день, вы что-нибудь выяснили?".

"Он не проронит ни слова, что же мне делать?" сказал Руйсинь.

"Может, он культивирует клятву молчания?" добавил Бай Жусюэ.

"Должно быть, он высокий монах из Храма Великого Дракона".

"Эти четки удивительны, мы сможем продать их по заоблачной цене, если будем знать, как управлять ими".

"Может, он сейчас просто контужен, посмотрите на большую рану на его голове".

Поговорка гласила, что одна женщина шумит, как 300 уток, а три женщины шумят, как 900 уток - достаточно, чтобы свести людей с ума.

Фэйюнь потер лоб, сожалея, почему он признал свою личность. Эти девушки сейчас молчали бы в страхе, если бы все еще думали, что он - похититель любви.

Сейчас было уже поздно сожалеть.

"У вас всех осталось не так много времени. Если мой расчет верен, то максимум через час здесь что-то изменится". Он кашлянул и сказал.

"Что изменится?" с любопытством спросил Руиксин.

"Многие хотят убить меня, Солнечную Луну, Солар, Мириады Законов и других странников, возможно, еретические лорды тоже. Они, вероятно, ждут снаружи". сказал Фэйюнь.

Руйсинь и Сиру, услышав это, обрадовались.

"Не радуйтесь, потому что я точно утащу вас всех с собой. У вас есть еще час, мне все равно, что вы будете делать. Засунь свои трусики ему в рот или на голову, это тоже хорошо, только заставь его пролиться, иначе мы все умрем". холодно сказал он.

Эта вульгарность на самом деле была весьма действенной. Высшие монахи считали, что такие личные вещи приносят несчастье и могут нарушить их буддийский образ мышления.

Может, этот монах и не был святым, но его культивирование было безупречным. Если бы его буддийские убеждения были нарушены, он мог бы умереть от отклонения ци из-за полученных травм.

Выражение его лица потемнело, когда он услышал Фэйюня; его брови нахмурились. Если бы кто-нибудь увидел его с трусиками на голове, его репутация была бы разрушена. Как он сможет снова петь перед Буддой?

Девушки отнеслись к этому замечанию с презрением. Руйсинь и Сироу покраснели и назвали Фэйюня жалким.

Фэйюнь промолчал и снова продолжил рисовать на земле фигуры - на этот раз более крупные, охватывающие все святилище и направленные в сторону большого зала.

Он зарыл в землю еще больше камней духа. Прошло совсем немного времени, и там уже лежала тысяча камней.

Это было непомерно много, но Фэйюнь был достаточно богат, чтобы использовать их для создания формации. Многие секты, вероятно, не могли себе этого позволить.

На другой стороне тоже были результаты. Бай Жусюэ подошла и улыбнулась: "Монах умолял о пощаде и даже блевал кровью".

Фэйюнь заинтересовалась, подошла и спросила: "Только не говори мне, что ты действительно заставляешь его носить что-то на голове?"

Он просто пытался напугать монаха и не думал, что кто-то из девушек действительно снимет

лифчик или трусики. В конце концов, эти гордые девушки никогда бы не сделали ничего подобного.

Подойдя ближе, он услышал слабую мольбу монаха: "Благодетель, пожалуйста, опустите меня, все можно обсудить".

"Тогда ты расскажешь мне, как управлять этими четками?" Руйсинь издал мелодичный смех.

"Спусти меня, и я сразу же расскажу тебе".

"Нет, сначала расскажи мне, а потом я тебя подведу. Иначе я подожду, пока придут другие люди, прежде чем сжечь твою одежду".

"Пожалуйста! Будда учит нас быть милосердными!"

"Будда также говорит, что нечестного монаха постигнет несчастье!"

"Будда никогда не говорил этого..."

Фэйюнь, наконец, увидел монаха, подвешенного к потолку и держащего статую Бодхисаттвы. Они привязали его за ноги, раздвинув их в стороны, а затем обмотали вокруг статуи.

Зрелище было не из приятных.

Эта статуя была объектом поклонения в этом святилище. Она улыбалась, демонстрируя множество декольте. Многие монахи культивировали поглощение энергии инь-янь, чтобы достичь дао. Они считали это святым деянием.

Однако этот старый монах выглядел как извращенец.

Неудивительно, что он нервничал до рвоты кровью. Фэйюнь сказал ранее, что многие эксперты придут сюда. Если бы они увидели его в таком виде, то, учитывая его высокий статус в Храме Великого Дракона, ему, скорее всего, пришлось бы покончить жизнь самоубийством.

В результате его секта потеряет все лицо, и они первыми убьют его.

"Благодетель И Чжэньфэн, их нельзя переубедить, может, лучше поговорим?" Монах стал бояться этих благородных дочерей.

Фэйюнь очень хотелось рассмеяться, увидев его внешность. Он также хотел похвалить девушку за то, что она такая новаторская.

Увы, ему нужно было сосредоточиться на важных делах, и он напустил на себя суровый вид: "Нелепо, кто сделал это с тобой?! Как они могут так поступать с... как вас зовут, учитель?"

"Я - Владыка Храма Верховного Дракона, мой буддийский титул - Чжи Цан". сказал монах.

http://tl.rulate.ru/book/119/2990702